

владимир семенович

ВЫСОЦКИЙ

собрание сочинений

том 2

Владимир Высоцкий

**Собрание сочинений в четырех
томах. Том 2. Песни.1971–1980**

Высоцкий В. С.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. Песни.1971–1980 /
В. С. Высоцкий — «WebKniga»,

"25 января 2008 года Высоцкому, спорить о котором не прекращают и по сей день, исполнилось бы 70 лет. Это издание – первое собрание, сделанное не «фанатами», но квалифицированными литературоведами (составители – Владимир и Ольга Новиковы): все тексты являются выверенными и снабжены комментариями. «Собрания сочинений бывают у многих авторов, но не всегда количество переходит в качество. Только в счастливых случаях произведения одного автора образуют своего рода библию („библии“ по-греч. – „книги“). В случае с Высоцким это получилось. Мы еще не раз откроем его четырехтомник, чтобы искать ответы на вопросы третьего тысячелетия». Вл. Новиков

Содержание

ПЕСНИ 1971-1980	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В. Высоцкий

Собрание сочинений в четырех томах. Том 2.

ПЕСНИ 1971-1980

Я все вопросы освещу сполна —
Дам любопытству удовлетворенье!
Да, у меня француженка жена —
Но русского она происхождения.

Нет, у меня сейчас любовниц нет.
А будут ли? Пока что не намерен.
Не пью примерно около двух лет.
Запью ли вновь? Не знаю, не уверен.

Да нет, живу не возле «Сокола»...
В Париж пока что не проник.
Да что вы всё вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

Я все вопросы освещу сполна —
Как на духу попу в исповедалъне!
В блокноты ваши капает слюна —
Вопросы будут, видимо, о спальне...

Да, так и есть! Вот густо покраснел
Интервьюер: «Вы изменяли женам?» —
Как будто за портьеру подсмотрел
Иль под кровать залег с магнитофоном.

Да нет, живу не возле «Сокола»...
В Париж пока что не проник.
Да что вы всё вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

Теперь я к основному перейду.
Один, стоявший скромно в уголочке,
Спросил: «А что имели вы в виду
В такой-то песне и в такой-то строчке?»

Ответ: во мне Эзоп не воскресал,
В кармане фиги нет – не суетитесь, —
А что имел в виду – то написал, —
Вот – вывернул карманы – убедитесь!

Да нет, живу не возле «Сокола»...
В Париж пока что не проник.
Да что вы всё вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

1971

* * *

Я теперь в дураках – не уйти мне с земли! —
Мне расставила суша капканы:
Не заметивши сходней, на берег сошли —

И навечно – мои капитаны.

И теперь в моих песнях сплошные нули,
В них всё больше прорехи и раны:
Из своих кителей капитанских ушли,
Как из кожи, мои капитаны.

Мне теперь не выйти в море
И не встретить их в порту.
Ах, мой вечный санаторий —
Как оскомина во рту!

Капитаны мне скажут: «Давай не скули!»
Ну а я не скулю – волком вою:
Вы ж не просто с собой мои песни везли —
Вы везли мою душу с собою.

Вас встречали в порту толпы верных друзей,
И я с вами делил ваши лавры, —
Мне казалось, я тоже сходил с кораблей
В эти Токио, Гамбург, Гавры...

Вам теперь не выйти в море,
Мне не встретить вас в порту.
Ах, мой вечный санаторий —
Как оскомина во рту!

Я надеюсь, что море сильнее площадей
И прочнее домов из бетона,
Море лучший колдун, чем земной чародей, —
И я встречу вас из Лиссабона.

Я механиков вижу во сне, шкиперов —
Вижу я, что не бесятся с жира, —
Капитаны по сходням идут с танкеров,
С сухогрузов, да и с «пассажиров»...

Нет, я снова выйду в море
Или встречу их в порту, —
К черту вечный санаторий
И оскомину во рту!

1971

БАЛЛАДА О БРОШЕННОМ КОРАБЛЕ

Капитана в тот день называли на ты,
Шкипер с юнгой сравнялись в талантах;

Распрямляя хребты и срывая бинты,
Бесновались матросы на вантах.

Двери наших мозгов
Посрывало с петель
В миражи берегов,
В покрывала земель,

Этих обетованных, желанных —
И колумбовых, и магелланных.

Только мне берегов
Не видать и земель —
С хода в девять узлов
Сел по горло на мель!
А у всех молодцов —
Благородная цель...
И в конце-то концов —
Я ведь сам сел на мель.

И ушли корабли – мои братья, мой флот, —
Кто чувствительней – брызги сглотнули.
Без меня продолжался великий поход,
На меня ж парусами махнули.

И погоду, и случай
Безбожно кляня,
Мои пасынки кучей
Бросали меня.

Вот со шлюпок два залпа – и ладно! —
От Колумба и от Магеллана.

Я пью пену – волна
Не доходит до рта,
И от палуб до дна
Обнажились борта,
А бока мои грязны —
Таи не таи, —
Так любуйтесь на язвы
И раны мои!

Вот дыра у ребра – это след от ядра,
Вот рубцы от тарана, и даже
Видно шрамы от крючьев – какой-то пират
Мне хребет перебил в абордаже.

Киль – как старый неровный
Гитаровый гриф:

Это брюхо вспорол мне
Коралловый риф.

Задыхаюсь, гнию – так бывает:
И просоленное загнивает.

Ветры кровь мою пьют
И сквозь щели снуют
Прямо с бака на ют, —
Меня ветры добьют:
Я под ними стою
От утра до утра, —
Гвозди в душу мою
Забивают ветра.

И гулякой шальным всё швыряют вверх дном
Эти ветры – незваные гости, —
Захлебнуться бы им в моих трюмах вином
Или – с мели сорвать меня в злости!

Я уверовал в это,
Как загнанный зверь,
Но не злобные ветры
Нужны мне теперь.

Мои мачты – как дряблые руки,
Паруса – словно груди старухи.

Будет чудо восьмое —
И добрый прибой
Мое тело омочит
Живою водой.

Моря божья роса
С меня снимет табу —
Вздует мне паруса,
Будто жилы на лбу.

Догоню я своих, догоню и прощу
Позабывшую помнить армаду.
И команду свою я обратно пущу:
Я ведь зла не держу на команду.

Только, кажется, нет
Больше места в строю.
Плохо шутишь, корвет,
Потеснись, – раскрою!

Как же так – я ваш брат,

Я ушел от беды...
Полевее, фрегат, —
Всем нам хватит воды!

До чего ж вы дошли:
Значит, что – мне уйти?!
Если был на мели —
Дальше нету пути?!
Разомкните ряды,
Всё же мы – корабли, —
Всем нам хватит воды,
Всем нам хватит земли,

Этой обетованной, желанной —
И колумбовой, и магелланной!

1971

ПЕСЕНКА ПРО ПРЫГУНА В ДЛИНУ

Что случилось, почему кричат?
Почему мой тренер завопил?
Просто – восемь сорок результат, —
Правда, за черту переступил.

Ой, приходится до дна ее испить —
Чашу с ядом вместо кубка я беру, —
Стоит только за черту переступить —
Превращаюсь в человека-кенгуру.

Что случилось, почему кричат?
Почему соперник завопил?
Просто – ровно восемь шестьдесят, —
Правда, за черту переступил.

Что же делать мне, как быть, кого винить —
Если мне черта совсем не по нутру?
Видно, негру мне придется уступить
Этот титул человека-кенгуру.

Что случилось, почему кричат?
Стадион в единстве завопил...
Восемь девяносто, говорят, —
Правда, за черту переступил.

Посоветуйте, вы все, ну как мне быть?
Так и есть, что негр титул мой забрал.
Если б ту черту да к черту отменить —

Я б Америку догнал и перегнал!

Что случилось, почему молчат?
Комментатор даже приуныл.
Восемь пять – который раз подряд, —
Значит – за черту не заступил.

1971

МАРАФОН

Я бегу, топчу, скользя
По гаревой дорожке, —
Мне есть нельзя, мне пить нельзя,
Мне спать нельзя – ни крошки.

А может, я гулять хочу
У Гурьева Тимошки, —
Так нет: бегу, бегу, топчу
По гаревой дорожке.

А гвинеец Сэм Брук
Обошел меня на круг, —
А вчера все вокруг
Говорили: «Сэм – друг!
Сэм – наш гвинейский друг!»

Друг гвинеец так и прет —
Все больше отставанье, —
Ну, я надеюсь, что придет
Второе мне дыханье.

Третье за ним ищу,
Четвертое дыханье, —
Ну, я на пятом сокращу
С гвинейцем расстоянье!

Тоже мне – хорош друг, —
Обошел меня на круг!
А вчера все вокруг
Говорили: «Сэм – друг!
Сэм – наш гвинейский друг!»

Гвоздь программы – марафон,
А градусов – все тридцать, —
Но к жаре привыкший он —
Вот он и мастерится.

Я поглядел бы на него,
Когда бы – минус тридцать!
Ну а теперь – достань его, —
Осталось – материться!

Тоже мне – хорош друг, —
Обошел на третий круг!
Нужен мне такой друг, —
Как его – забыл... Сэм Брук!
Сэм – наш гвинейский Брут!

1971

ВРАТАРЬ

Льву Яшину

Да, сегодня я в ударе, не иначе —
Надрываются в восторге москвичи, —
Я спокойно прерываю передачи
И вытаскиваю мертвые мячи.

Вот судья противнику пенальти назначает —
Репортеры тучею кишат у тех ворот.
Лишь один упрямо за моей спиной скучает —
Он сегодня славно отдохнет!

Извиняюсь,
вот мне бьют головой...
Я касаюсь —
подают угловой.
Бьет десятый – дело в том,
Что своим «сухим листом»
Размочить он может счет нулевой.

Мяч в моих руках – с ума трибуны сходят, —
Хоть десятый его ловко завернул.
У меня давно такие не проходят!..
Только сзади кто-то тихо вдруг вздохнул.

Обернулся – голос слышу из-за фотокамер:
«Извини, но ты мне, парень, снимок заперол.
Что тебе – ну лишний раз потрогать мяч руками, —
Ну а я бы снял красивый гол».

Я хотел его послать —
не пришлось:
Еле-еле мяч достать
удалось.

Но едва успел привстать,
Слышу снова: «Вот опять!
Все б ловить тебе, хватать – не дал снять!»

«Я, товарищ дорогой, все понимаю,
Но культурно вас прошу: подите прочь!
Да, вам лучше, если хуже я играю,
Но поверьте – я не в силах вам помочь».

Вот летит девятый номер с пушечным ударом —
Репортер бормочет: «Слушай, дай ему забить!
Я бы всю семью твою всю жизнь снимал задаром...» —
Чуть не плачет парень. Как мне быть?!

«Это все-таки футбол, —
говорю. —
Нож по сердцу – каждый гол
вратарю».
«Да я ж тебе как вратарю
Лучший снимок подарю, —
Пропусти – а я отблагодарю!»

Гнусь как ветка от напора репортера,
Неуверенно иду на перехват...
 Попрошу-ка потихонечку партнеров,
Чтоб они ему разбили аппарат.

Ну а он все ноет: «Это ж, друг, бесчеловечно —
Ты, конечно, можешь взять, но только, извини, —
Это лишь момент, а фотография – навечно.
А ну не шевелись, потяни!»

Пятый номер в двадцать два —
знаменит.
Не бежит он, а едва
семенит.
В правый угол мяч, звеня, —
Значит, в левый от меня, —
Залетает и нахально лежит.

В этом тайме мы играли против ветра,
Так что я не мог поделаться ничем...
Снимок дома у меня – два на три метра —
Как свидетельство позора моего.

Проклинаю миг, когда фотографу потрафил,
Ведь теперь я думаю, когда беру мячи:
Сколько ж мной испорчено прекрасных фотографий! —
Стыд меня терзает, хоть кричи.

Искуситель-змей, палач!
Как мне жить?!
Так и тянет каждый мяч
пропустить.
Я весь матч борюсь с собой —
Видно, жребий мой такой...
Так, спокойно – подают угловой...

1971

* * *

Не покупают никакой еды —
Все экономят вынужденно деньги:
Холера косит стройные ряды, —
Но люди вновь смыкаются в шеренги.

Закрыт Кавказ, горит «Аэрофлот»,
И в Астрахани лихо жгут арбузы, —
Но от станка рабочий не уйдет,
И крепнут все равно здоровья узы.

Убытки терпит целая страна,
Но вера есть, все зиждется на вере, —
Объявлена смертельная война
Одной несчастной, бедненькой холере.

На трудовую вахту встал народ
Для битвы с новоявленной порчей, —
Но пасаран, холера не пройдет,
Холере – нет, и все, и бал окончен!

Я погадал вчера на даму треф,
Назвав ее для юмора холерой, —
И понял я: холера – это блеф,
Она теперь мне кажется химерой.

Во мне теперь прибавилось ума,
Себя я ощущаю Гулливером,
И понял я: холера – не чума, —
У каждого всегда своя холера!

Уверен я: холере скоро тлеть.
А ну-ка – залп из тысячи орудий!
Вперед!.. Холерой могут заболеть
Холерики – несдержанные люди.

1971

МАСКИ

Смеюсь навзрыд – как у кривых зеркал, —
Меня, должно быть, ловко разыграли:
Крючки носов и до ушей оскал —
Как на венецианском карнавале!

Вокруг меня смыкается кольцо —
Меня хватают, вовлекают в пляску, —
Так-так, мое нормальное лицо
Все, вероятно, приняли за маску.

Петарды, конфетти... Но всё не так, —
И маски на меня глядят с укором, —
Они кричат, что я опять – не в такт,
Что наступаю на ноги партнерам.

Что делать мне – бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?...
Надеюсь я – под масками зверей
Бывают человеческие лица.

Все в масках, в париках – все как один, —
Кто – сказочен, а кто – литературен...
Сосед мой слева – грустный арлекин,
Другой – палач, а каждый третий – дурень.

Один себя старался обелить,
Другой – лицо скрывает от огласки,
А кто – уже не в силах отличить
Свое лицо от непрременной маски.

Я в хоровод вступаю, хохоча, —
И все-таки мне беспокойно с ними:
А вдруг кому-то маска палача
Понравится – и он ее не снимет?

Вдруг арлекин навеки загрустит,
Любуясь сам своим лицом печальным;
Что, если дурень свой дурацкий вид
Так и забудет на лице нормальном?!

Как доброго лица не прозевать,
Как честных отличить наверняка мне? —
Все научились маски надевать,

Чтоб не разбить свое лицо о камни.

Я в тайну масок все-таки проник, —
Уверен я, что мой анализ точен:
Что маски равнодушья у иных —
Защита от плевков и от пощечин.

1971

ПЕСНЯ ПРО ПЕРВЫЕ РЯДЫ

Была пора – я рвался в первый ряд,
И это все от недопониманья, —
Но с некоторых пор сажусь назад:
Там, впереди, как в спину автомат —
Тяжелый взгляд, недоброе дыханье.

Может, сзади и не так красиво,
Но – намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще – надежность и обзор.

Стволы глазиц – числом до десяти —
Как дула на мишень, но на живую, —
Затылок мой от взглядов не спасти,
И сзади так удобно нанести
Обиду или рану ножевую.

Может, сзади и не так красиво.
Но – намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще – надежность и обзор.

Мне вреден первый ряд, и говорят —
От мыслей этих я в ненастье ною.
Уж лучше – где темней – в последний ряд:
Отсюда больше нет пути назад,
И за спиной стоит стена стеною.

Может, сзади и не так красиво,
Но – намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще – надежность и обзор.

И пусть хоть реки утекут воды,
Пусть будут в пух засалены перины, —
До лысин, до седин, до бороды
Не выходите в первые ряды

И не стремитесь в примы-балерины.

Может, сзади и не так красиво,
Но – намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще – надежность и обзор.

Надежно сзади, но бывают дни —
Я говорю себе, что выйду червой:
Не стоит вечно пребывать в тени —
С последним рядом долго не тяни,
А постепенно пробирайся в первый.

Может, сзади и не так красиво,
Но – намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще – надежность и обзор.

1971

I. ПЕВЕЦ У МИКРОФОНА

Я весь в свету, доступен всем глазам, —
Я приступил к привычной процедуре:
Я к микрофону встал как к образам...
Нет-нет, сегодня точно – к амбразуре.

И микрофону я не по нутру —
Да, голос мой любому опостылит, —
Уверен, если где-то я совру —
Он ложь мою безжалостно усилит.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И – жара!.. Жара!.. Жара!..

Сегодня я особенно хриплю,
Но изменить тональность не рискую, —
Ведь если я душою покривлю —
Он ни за что не выпрямит кривую.

Он, бестия, потоньше остря —
Слух безотказен, слышит фальшь до йоты, —
Ему плевать, что не в ударе я, —
Но пусть я верно выпеваю ноты!

Бьют лучи от рампы мне под ребра,

Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И – жара!.. Жара!.. Жара!..

На шее гибкой этот микрофон
Своей змеиной головою вертит:
Лишь только замолчу – ужалит он, —
Я должен петь – до одури, до смерти.

Не шевелись, не двигайся, не смей!
Я видел жало – ты змея, я знаю!
И я – как будто заклинатель змей:
Я не пою – я кобру заклинаю!

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И – жара!.. Жара!.. Жара!..

Прожорлив он, и с жадностью птенца
Он изо рта выхватывает звуки,
Он в лоб мне вlepит девять грамм свинца, —
Рук не поднять – гитара вяжет руки!

Опять не будет этому конца!
Что есть мой микрофон – кто мне ответит?
Теперь он – как лампада у лица,
Но я не свят, и микрофон не светит.

Мелодии мои попроще гамм,
Но лишь сбиваюсь с искреннего тона —
Мне сразу больно хлещет по щекам
Недвижимая тень от микрофона.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И – жара!.. Жара!..

II. ПЕСНЯ МИКРОФОНА

Я оглох от ударов ладоней,
Я ослеп от улыбок певиц, —
Сколько лет я страдал от симфоний,
Потакал подражателям птиц!

Сквозь меня многократно просеясь,

Чистый звук в ваши души летел.
Стоп! Вот – тот, на кого я надеюсь,
Для кого я все муки стерпел.

Сколько раз в меня шептали про луну,
Кто-то весело орал про тишину,
На пиле один играл – шею спиливал, —
А я усиливал,
усиливал,
усиливал...

На «низах» его голос утробен,
На «верхах» он подобен ножу, —
Он покажет, на что он способен, —
Но и я кое-что покажу!

Он поет задыхаясь, с натугой —
Он устал, как солдат на плацу, —
Я тянусь своей шеей упругой
К золотому от пота лицу.

Сколько раз в меня шептали про луну,
Кто-то весело орал про тишину,
На пиле один играл – шею спиливал, —
А я усиливал,
усиливал,
усиливал...

Только вдруг: «Человече, опомнись, —
Что поешь?! Отдохни – ты устал.
Это – патока, сладкая помесь!
Зал, скажи, чтобы он перестал!..»

Всё напрасно – чудес не бывает, —
Я качаюсь, я еле стою, —
Он бальзамом мне горечь вливает
В микрофонную глотку мою.

Сколько лет в меня шептали про луну,
Кто-то весело орал про тишину,
На пиле один играл – шею спиливал, —
А я усиливал,
усиливал,
усиливал...

В чем угодно меня обвините —
Только против себя не пойдешь:
По профессии я – усилитель, —
Я страдал – но усиливал ложь.

Застонал я – динамики взвыли, —
Он сдавил мое горло рукой...
Отвернули меня, умертвили —
Заменили меня на другой.

Тот, другой, – он все стерпит и примет, —
Он навинчен на шею мою.
Нас всегда заменяют другими,
Чтобы мы не мешали вранью.

...Мы в чехле очень тесно лежали —
Я, штатив и другой микрофон, —
И они мне, смеясь, рассказали,
Как *он* рад был, что я заменен.

1971

* * *

Поздно говорить и смешно —
Не хотела, но
Что теперь скрывать – все равно
Дело сделано...

Все надежды вдруг
Выпали из рук,
Как цветы запоздалые,
А свою весну —
Вечную, одну —
Ах, прозевала я.

Весна!.. Не дури —
Ни за что не пей вина на пари,
Никогда не вешай ключ на двери,
Ставни затвори,
Цветы – не бери,
Не бери да и сама не дари,
Если даже без ума – не смотри, —
Затаись, замри!

С огнем не шути —
Подержи мечты о нем взаперти,
По весне стучать в твой дом запрети, —
А зимой – впусти.

Холода всю зиму подряд —
Невозможные, —

Зимняя любовь, говорят,
Понадежнее.

Но надежды вдруг
Выпали из рук,
Как цветы запоздалые,
И свою весну —
Первую, одну —
Знать, прозевала я.

Ах, черт побери,
Если хочешь – пей вино на пари.
Если хочешь – вешай ключ на двери
И в глаза смотри, —
Не то в январе
Подкрадутся вновь сугробы к двери,
Вновь увидишь из окна пустыри.
Двери отвори!

И пой до зари,
И цветы – когда от сердца – бери,
Если хочешь подарить – подари.
Подожгут – гори!

1971, р. 1973

ОДНА НАУЧНАЯ ЗАГАДКА, или ПОЧЕМУ АБОРИГЕНЫ СЪЕЛИ КУКА

Не хватайтесь за чужие талии,
Вырвавшись из рук своих подруг!
Вспомните, как к берегам Австралии
Подплывал покойный ныне Кук,

Как, в кружок усевшись под азалии,
Поедом – с восхода до зари —
Ели в этой солнечной Австралии
Друга дружку злые дикари.

Но почему аборигены съели Кука,
За что – неясно, молчит наука.
Мне представляется совсем простая штука:
Хотели кушать – и съели Кука!

Есть вариант, что ихний вождь – Большая Бука —
Сказал, что – очень вкусный кок на судне Кука...
Ошибка вышла – вот о чем молчит наука:
Хотели – кока, а съели – Кука!

И вовсе не было подвоха или трюка —
Вошли без стука, почти без звука, —
Пустили в действие дубинку из бамбука —
Тюк! прямо в темя – и нету Кука!

Но есть, однако же, еще предположенье,
Что Кука съели из большого уваженья, —
Что всех науськивал колдун – хитрец и злока:
«Агу, ребята, хватайте Кука!

Кто уплетет его без соли и без лука,
Тот сильным, смелым, добрым будет – вроде Кука!»
Кому-то под руку попался каменюка —
Метнул, гадюка, – и нету Кука!

А дикари теперь заламывают руки,
Ломают копья, ломают луки,
Сожгли и бросили дубинки из бамбука —
Переживают, что съели Кука!

1971, 1979

* * *

*Александрю Назаренко
и экипажу теплохода «Шота Руставели»*

Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты —
И хрипят табуны, стервенея, внизу.
На глазах от натуги худеют канаты,
Из себя на причал выжимая слезу.

И команды короткие, злые
Быстрый ветер уносит во тьму:
«Кранцы за борт!», «Отдать носовые!»
И – «Буксир, подработать корму!»

Капитан, чуть улыбаясь, —
Всё, мол, верно – молодцы, —
От земли освобождаясь,
Приказал рубить концы.

Только снова назад обращаются взоры —
Цепко держит земля, всё и так и не так:
Почему слишком долго не сходятся створы,
Почему слишком часто моргает маяк?!

Всё в порядке, конец всем вопросам.
Кроме вахтенных, все – отдыхать!

Но пустуют каюты – матросам
К той свободе еще привыкать.

Капитан, чуть улыбаясь,
Бросил только: «Молодцы!»
От земли освобождаясь,
Нелегко рубить концы.

Переход – двадцать дней, – рассыхаются шлюпки,
Нынче утром последний отстал альбатрос...
Хоть бы – шторм! Или лучше – чтоб в радиорубке
Обалдевший радист принял чей-нибудь SOS.

Так и есть: трое – месяц в корыте,
Яхту вдребезги кит разобрал...
Да за что вы нас благодарите —
Вам спасибо за этот аврал!

Капитан, чуть улыбаясь,
Бросил только: «Молодцы!» —
Тем, кто, с жизнью расставаясь,
Не хотел рубить концы.

И опять будут Фиджи, и порт Кюрасао,
И еще черта в ступе и бог знает что,
И красивейший в мире фиорд Мильфорсаун —
Всё, куда я ногой не ступал, но зато —

Пришвартуетесь вы на Таити
И прокрутите запись мою, —
Через самый большой усилитель
Я про вас на Таити спою.

Скажет мастер, улыбаясь
Мне и песне: «Молодцы!»
Так, на суше оставаясь,
Я везде креплю концы.

И опять продвигается, словно на ринге,
По воде осторожная тень корабля.
В напряженье матросы, ослаблены шпринги...
Руль полборта налево – и в прошлом земля!

1971

БАЛЛАДА О БАНЕ

Благодать или благословенье

Ниспошли на подручных твоих —
Дай нам, Бог, совершить омовенье,
Окунаясь в святая святых!

Исцеленьем от язв и уродства
Будет душ из живительных вод, —
Это – словно возврат первородства,
Или нет – осушение болот.

Все пороки, грехи и печали,
Равнодушие, согласие и спор —
Пар, который вот только наддали,
Вышибает, как пули, из пор.

Все, что мучит тебя, – испарится
И поднимется вверх, к небесам, —
Ты ж, очистившись, должен спуститься —
Пар с грехами расправится сам.

Не стремись прежде времени к душе,
Не равняй с очищением мытье, —
Нужно выпороть веником душу,
Нужно выпарить смрад из нее.

Здесь нет голых – стесняться не надо,
Что кривая рука да нога.
Здесь – подобие райского сада, —
Пропуск тем, кто раздет донага.

И, в предбаннике сбросивши вещи,
Всю одетость свою позабуди —
Одинаково веничек хлещет,
Так что зря не выпячивай грудь!

Все равны здесь единым богатством,
Все легко переносят жару, —
Здесь свободу и равенство с братством
Ощущаешь в кромешном пару.

Загоняй по коленья в парную
И крещение принять убеди, —
Лей на нас свою воду святую —
И от варварства освободи!

1971

О ФАТАЛЬНЫХ ДАТАХ И ЦИФРАХ

Моим друзьям – поэтам

Кто кончил жизнь трагически, тот – истинный поэт,
А если в точный срок, так – в полной мере:
На цифре 26 один шагнул под пулю,
Другой же – в петлю слазил в «Англетере».

А в 33 Христу – он был поэт, он говорил:
«Да ни убий!» Убьешь – везде найду, мол.
Но – гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
Чтоб не писал и чтобы меньше думал.

С меня при цифре 37 в момент слетает хмель, —
Вот и сейчас – как холодом подуло:
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лег виском на дуло.

Задержимся на цифре 37! Коварен Бог —
Ребром вопрос поставил: или – или!
На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо, —
А нынешние – как-то проскочили.

Дуэль не состоялась или – перенесена,
А в 33 распяли, но – не сильно,
А в 37 – не кровь, да что там кровь! – и седина
Испачкала виски не так обильно.

«Слабо стреляться?! В пятки, мол, давно ушла душа!»
Терпенье, психопаты и кликуши!
Поэты ходят пятками по лезвию ножа —
И режут в кровь свои босые души!

На слово «длинношее» в конце пришлось три «е», —
Укоротить поэта! – вывод ясен, —
И нож в него! – но счастлив он висеть на острие,
Зарезанный за то, что был опасен!

Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр, —
Томитесь, как наложницы в гареме!
Срок жизни увеличился – и, может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!

1971

О МОЕМ СТАРШИНЕ

Я помню райвоенкомат:
«В десант не годен – так-то, брат, —
Таким, как ты, – там невпротык...» И дальше – смех:

Мол, из тебя какой солдат?
Тебя – хоть сразу в медсанбат!..
А из меня – такой солдат, как изо всех.

А на войне как на войне,
А мне – и вовсе, мне – вдвойне, —
Присохла к телу гимнастерка на спине.
Я отставал, сбоил в строю, —
Но как-то раз в одном бою —
Не знаю чем – я приглянулся старшине.

...Шумит окопная братва:
«Студент, а сколько дважды два?
Эй, холостой, а правда – графом был Толстой?
А кто евонная жена?...»
Но тут встречал мой старшина:
«Иди поспи – ты ж не святой, а утром – бой».

И только раз, когда я встал
Во весь свой рост, он мне сказал:
«Ложись!.. – и дальше пару слов без падежей. —
К чему две дырки в голове!»
И вдруг спросил: «А что, в Москве,
Неужто вправду есть дома в пять этажей?...»

Над нами – шквал, – он застонал —
И в нем осколок остывал, —
И на вопрос его ответить я не смог.
Он в землю лег – за пять шагов,
За пять ночей и за пять снов —
Лицом на запад и ногами на восток.

1971

ГОРИЗОНТ

Чтоб не было следов, повсюду подмели...
Ругайте же меня, позорьте и трезвоньте:
Мой финиш – горизонт, а лента – край земли, —
Я должен первым быть на горизонте!

Условия пари одобрили не все —
И руки разбивали неохотно.
Условье таково: чтоб ехать – по шоссе,
И только по шоссе – бесповоротно.

Наматываю мили на кардан
И еду параллельно проводам, —

Но то и дело тень перед мотором —
То черный кот, то кто-то в чем-то черном.

Я знаю – мне не раз в колеса палки ткнут.
Догадываюсь, в чем и как меня обманут.
Я знаю, где мой бег с ухмылкой пресекут
И где через дорогу трос натянут.

Но стрелки я топлю – на этих скоростях
Песчинка обретает силу пули, —
И я сжимаю руль до судорог в кистях —
Успеть, пока болты не затянули!

Наматываю мили на кардан
И еду вертикально проводам, —
Завинчивают гайки, – побыстрее! —
Не то поднимут трос как раз где шея.

И плавится асфальт, протекторы кипят,
Под ложечкой сосет от близости развязки.
Я голой грудью рву натянутый канат, —
Я жив – снимите черные повязки!

Кто вынудил меня на жесткое пари —
Нечистоплотны в споре и в расчетах.
Азарт меня пьянит, но, как ни говори,
Я торможу на скользких поворотах.

Наматываю мили на кардан,
Назло канатам, тросам, проводам, —
Вы только проигравших урезоньте,
Когда я появлюсь на горизонте!

Мой финиш – горизонт – по-прежнему далек,
Я ленту не порвал, но я покончил с тросом, —
Канат не пересек мой шейный позвонок,
Но из кустов стреляют по колесам.

Меня ведь не рубли на гонку завели, —
Меня просили: «Миг не проворонь ты —
Узнай, а есть предел – там, на краю земли,
И – можно ли раздвинуть горизонты?»

Наматываю мили на кардан
И пулю в скат вlepить себе не дам.
Но тормоза отказывают, – кода! —
Я горизонт промахиваю с хода!

1971

МОИ ПОХОРОНА, или СТРАШНЫЙ СОН ОЧЕНЬ СМЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Сон мне снится – вот те на:
Гроб среди квартиры,
На мои похорона
Съехались вампиры, —

Стали речи говорить —
Всё про долголетие, —
Кровь сосать решили погодить:
Вкусное – на третье.

В гроб вогнали кое-как,
А самый сильный вурдалак
Все втискивал, и всовывал,
И плотно утрамбовывал, —
Сопел с натуги, сплевывал
И желтый клык высовывал.

Очень бойкий упырек
Стукнул по колену,
Подогнал – и под шумок
Накусил мне вену.

А умудренный кровосос
Встал у изголовия
И очень вдохновенно произнес
Речь про полнокровие.

И почетный караул
Для приличия всплакнул, —
Но я чую взглядов серию
На сонную мою артерию:
А если кто пронзит артерию —
Мне это сна грозит потерю.

Погодите, спрячьте крюк!
Да куда же, черт, вы!
Я же слышу, что вокруг, —
Значит, я не мертвый!

Яду капнули в вино,
Ну а мы набросились, —
Опоить меня хотели, но
Опростоволосились.

Тот, кто в зелье губы клал, —
В самом деле дуба дал, —
Ну а на меня – как рвотное
То зелье приворотное:
Здоровье у меня добротное,
И закусил отраву плотно я.

Так почему же я лежу,
Дурака валяю, —
Ну почему, к примеру, не заржу —
Их не напугаю?!

Я ж их мог прогнать давно
Выходкою смелую —
Мне бы взять пошевелиться, но
Глупостей не делаю.

Безопасный как червяк,
Я лежу, а вурдалак
Со стаканом носится —
Сейчас наверняка набросится, —
Еще один на шею косится —
Ну, гад, он у меня допросится!

Кровожадно вопия,
Высунули жалы —
И кровиночка моя
Полилась в бокалы.

Погодите – сам налью, —
Знаю, знаю – вкусная!..
Ну нате, пейте кровь мою,
Кровососы гнусные!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.